

«СЕРДЦЕ ОТДАЮ..?»

Педагогическое эссе

Наталья Козырева, методист учебно-инструктивного отдела
Муниципального образовательного учреждения дополнительного образования
детей «Дом детского творчества городского округа», г. Воронеж

Три урока педагогики

Для меня моя педагогическая деятельность началась, когда я, ученица 9 класса, была отправлена директором во второй класс с тем, чтобы занять чем-то детей, оказавшихся беспризорными из-за болезни учителя. «Почитай им что-нибудь вслух, а на следующем уроке тебя сменят», — сказано было мне. И вот, взяв в руки книгу, с дрожью в коленях я направилась в кабинет, где почти 30 незнакомых детей бегали, вопили и всюду радовались внезапно свалившейся на них свободе и были вовсе не расположены менять её на тихое сидение за партой из-за какой-то непонятной девицы. С точки зрения личностно ориентированного обучения, я поступила тогда весьма непедагогично: быстро выявив основных организаторов беспорядка, я просто выдернула их из общей массы детей за шиворот и растащила по углам класса. Тишина наступила практически мгновенно. К чтению мы тогда, правда, так и не приступили, проболтав оставшееся до звонка время, а ученики 2 «б» класса стали моими верными друзьями до конца школы. Мне стало сложно ходить мимо рекреации, где располагались кабинеты начальных классов. Мои одно-

классники ухаживались, видя, как малыши гроздьями вешаются на меня, скороговоркой выпаливая все новости, которые случились с ними. Основной урок, который я вынесла тогда: дети слушают того, кто умеет заставить себя уважать. Просто разные дети уважают разные вещи. Кто-то — знания, кто-то — талант, а кто-то и просто силу.

Второе «педагогическое потрясение» я испытала, будучи студенткой 3 курса и направляясь на летнюю практику в пионерский лагерь «Полёт». Мне 19. Моим «детям» — 14–16. Я, загнав поглубже свою робость, почти твёрдым голосом им говорю что-то, с ужасом думая, что стану делать, когда меня «пошлют», а они... слушаются. Слушаются и делают то, что говорю. Освоилась я быстро. Мне было интересно всё. Наверное, поэтому и моим мальчишкам и девчонкам было интересно со мной. Я, как могла, воспитывала их. А они — меня. И однажды мой отряд преподал мне два урока, которые очень сильно повлияли на мою жизненную позицию вообще и на мою педагогическую философию в частности. Урок предательства и урок прощения. Предала их я. Некрасиво и даже, пожалуй, с детской точки зрения, подло. И вот дети, которые очень любили меня, объявили мне бойкот. Тихий, без истерик и революционных лозунгов. Просто перестали разговаривать со мной. При этом они выполняли всё, что было необходимо, не ссорились друг

с другом, после отбоя сразу ложились спать, не сбегали на речку, в тихий час укладывались в свои постели и тихо перешёптывались о чём-то. Вожатые вокруг удивлялись: «Что ты сделала с детьми? Они у тебя идеальные какие-то». А я страдала. Через два дня сказала им два волшебных слова, которые, сказанные вовремя, спасли немало человеческих отношений, а несказанные вовсе сломали множество судеб: «Простите меня!». И всё стало даже лучше, чем было.

Я не помню всех детей, которые когда-либо были у меня в отрядах. А этот отряд помню по сей день.

Потом в моей жизни было много всего. И работа каждое лето вожатой и старшей вожатой, и инструктивные сборы педотряда Воронежского государственного университета «Родник», где в течение нескольких лет я была старшим комиссаром, и работа в школе, и организация театрального кружка, и участие в возникновении школьной детской организации, и рождение своих собственных детей.

Формула профессионализма

Но только, придя в Дом детского творчества, я получила возможность посмотреть на то, как работают другие, оценить чужой профессионализм и пересмотреть свой. Может, потому, что перестала работать с детьми и подростками, а стала лишь наблюдать, делать выводы, инструктировать и учить. Это не труднее и не легче, это просто совсем другой вид деятельности. Другой и очень интересный.

Интерес — это вообще мой личный двигатель. Бывает, я жутко устаю от непрекращающихся рабочих авралов, бывает, меня утомляет чужая бестолковость и лень, бывает, что я начинаю ненавидеть всё вокруг: ручку и бумагу, экран и клавиатуру, библиотеки и Internet. И я спрашиваю себя — чего ради? И злюсь, и ругаюсь, и обижаюсь. Но в глубине души я точно знаю ответ на этот вопрос: да потому, что интересно. Проходит время, за ним — усталость, а вместе с ней исчезает и ненависть. И остаётся главное — работа, которую любишь, которую понимаешь, которую умеешь делать хорошо. Остаётся работа, которая тебе интересна.

Не открою Америки, провозгласив, что «любовь» и «ненависть» — есть аверс и реверс одной и той же монеты. В данном случае монеты с надписью «профессионализм». Важно лишь, чтобы «любовь» была главным и **бОльшим** чувством, «орлом». Потому что, на мой взгляд, *любой профессионализм заканчивается, когда становится всё равно.*

Если тебе безразлично, как пройдёт твоё сегодняшнее общение с воспитанниками и коллегами; если ты не считаешь важным сделать следующее занятие более интересным и насыщенным; если очередной документ, написанный тобой, не лучше, не совершеннее предыдущего, потому, что «и так сойдёт»; если тебе не хочется «напрягаться» и искать что-то новое, потому что «и старого у меня много, и всё равно никто не оценит», — значит, где-то ты перешёл допустимую грань и всё равно, что умер. Не как человек — как профессионал.

Равнодушие — вообще очень страшное понятие. Как много умных и красивых фраз сказано о нём. Наверное, самое точное и в то же время какое-то, на мой взгляд, безжалостное, даже тупиковое, определение дал А. Чехов: «Равнодушие — это паралич души, преждевременная смерть». А я вот никогда не встречала равнодушных людей. И не верю, что они бывают. Просто у каждого есть сфера интересов, которая данному конкретному человеку, простите за тавтологию, неинтересна. И, по-моему, это не ужасно. Вот я, например, абсолютно равнодушна к маркам. И к сигаретам. И к Ален Делону. И мне совсем неинтересно читать книги, где дотошно объясняется, чем 120-миллимитровая гаубица отличается от самурайского меча. Но разве это всё делает меня равнодушным человеком? Конечно, нет, хотя это могло сделать меня плохим профессионалом, если бы я рекламировала табачные изделия или конструировала новое оружие.

Но может быть, в этих случаях я своим безразличием даже приносила бы пользу обществу. А ведь педагогика — это особая профессия. И профессиональное равнодушие в деле воспитания детей — недопустимо и страшно. Педагогический брак, я в этом убеждена, получается, не когда встречаются «трудные» дети, а когда работают равнодушные педагоги.

Была когда-то издана методичка с пафосным названием «Хочу, могу, умею». Не берусь сейчас судить, насколько это название соответствует содержанию книги и насколько вообще это содержание ценно. Просто это перечисление глаголов натолкнуло меня на «изобретение» моей собственной формулы профессионализма. Причём, на мой взгляд, она «работает» не только в сфере образования, а вообще «работает». Моя формула звучит так: **ХОЧУ, УМЕЮ, ДЕЛАЮ.**

ХОЧУ — это значит, мне интересно, это значит, я не стою на месте, а двигаюсь к новым вершинам, совершенствуюсь. Потому что, как только остановился, как только стало всё равно, как только «не хочу» — я закончился как профессионал.

УМЕЮ — это значит, я тактик и стратег; это значит, владею теорией и методикой; это значит, в моём личном «багаже» — приёмы, методы, технологии. Старые, проверенные годами практики и новейшие, экспериментальные, требующие осторожной апробации и вдумчивого применения.

ДЕЛАЮ — это значит, созидая, работаю в сотрудничестве и сотворчестве; это значит, получаю результат — внутренний и внешний, сиюминутный и долгосрочный; это значит, анализирую, что есть сегодня, и планирую, что будет завтра, опираясь на новое «ХОЧУ» и новое «УМЕЮ».

Сердце отдаю делу

Замечательный детский писатель Владимир Железников, автор «Чучела» и «Чудака» сказал однажды: «Самая большая удача — это

встреча с хорошим человеком, который может тебя поразить словом или делом».

Если принять эти слова за аксиому, то самая большая моя удача — это работа в Доме детского творчества. Столько лет, а я до сих пор не могу привыкнуть к тому, с какими удивительными, талантливыми, неординарными людьми мне приходится работать. С людьми, для которых, по-моему, нет непреодолимых вершин. С людьми, которые не знают слова «невозможно». И если встречается в их профессиональной деятельности что-то, с чем они по какой-то причине не могут справиться «здесь и сейчас», то, будьте уверены, уже завтра эта проблема станет ещё одним пройденным этапом, ещё одним перейдённым рубежом, ещё одним расколотым орешком.

Рядом с этими людьми работать бывает трудно, потому что каждый из нас своеобразный лидер, творец и мыслитель, зрелый человек со своими сложившимися жизненными ориентирами, профессионал. Рядом с этими людьми работать очень легко — потому что каждый из нас своеобразный лидер, творец и мыслитель, профессионал. Человек, которому «не всё равно». Человек, который каждый день отдаёт своё сердце, свою душу делу, которому безгранично предан, делу детства.

Все мы, сотрудники Дома детского творчества, люди разные и одновременно чем-то неувовимо похожие. У каждого из нас — своя педагогическая судьба, свои жизненные приоритеты, свои «изюминки» и свои «тараканы». Но все мы делаем одно большое общее дело — растим будущее. Ведь именно на это, в конечном итоге, направлено воспитание и развитие детей. И пусть мы все люди изначально разных профессий: балерины, музыканты, журналисты, цирковые артисты, работники культуры, школьные учителя, художники. Сегодня у нас одна профессия на всех — профессия педагогов дополнительного образования детей. Поверьте, это хорошая, интересная работа. И пусть никому из нас никогда не будет *всё равно*. **В.Ш**